

16+

Поқажу мнe, зерқало...

Ирада Нури

Том 2

Ирада Нури
Покажи мне, зеркало... Том 2

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Нури И.

Покажи мне, зеркало... Том 2 / И. Нури — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

ISBN 978-5-532-99541-3

Страшные предсказания волшебного зеркала сбываются одно за другим. На очереди последнее, то самое... Сбудется ли оно? Сможет ли ханская дочь после всего пережитого обрести долгожданное счастье?

ISBN 978-5-532-99541-3

© Нури И., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Часть 2	5
Глава 31	5
Глава 32	9
Глава 33	13
Глава 34	17
Глава 35	21
Глава 36	25
Глава 37	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Ирада Нури

Покажи мне, зеркало... Том 2

Часть 2

Глава 31

Попутный ветер, ласково поигрывая с судёнышком, гнал его вперёд. К удивлению капитана, прежде как огня, избегающего брать на борт пассажиров из-за морского суеверия о том, что присутствие женщины на борту – к беде, все прежние страхи и опасения оказались напрасными. Впервые на его памяти многомесячное путешествие прошло без единого мало-мальски серьёзного шторма. Словно оберегаемая кем-то свыше, шебека весело и легко скользила по воде в течение всего многомесячного плавания, ни разу не столкнувшись ни с пиратскими суднами, ни с военными фрегатами, патрулирующими всё средиземноморское побережье.

К конечной точке нашего путешествия мы приблизились тогда, когда, когда на смену жаркому, местами сухому лету пришла прохладная и дождливая осень, подули холодные ветра, и чем ближе мы становились к берегам Англии, тем явственнее это ощущалось.

Высадившись ещё затемно в одной из бухточек, облюбованных контрабандистами за свою удалённость, я распрощалась с Булут беём и его командой головорезов, которые нужно отдать им должное, до самой последней минуты вели себя в моём обществе так, как заслуживал мой титул: почтительно и уважительно.

Было страшно обрывать последнюю связующую с прошлым нить, так как теперь моя жизнь должна была кардинально измениться, но выбора ни у кого из нас уже не было.

Проводив взглядом возвращающуюся на ожидающее чуть поодаль судно шлюпку с частью машущего на прощание экипажа, я, внутренне подобравшись и категорически запрещая себе поддаваться панике, закинула небольшой узелок с пожитками на плечо и зашагала в сторону ближайшей рыбацкой дереvушки, над трубами домов которой вился едва заметный дымок. Люди просыпались.

Сталкиваясь то тут, то там с подозрительными взглядами, я возблагодарила Всевышнего за то, что, послушалась Булут бея и перед самой высадкой переделалась в одежду юнги Али – моего ровесника, состоявшей из сорочки, штанов до колен и плотной, защищающей от ветра куртки. Башмаки на шнуровке и полосатые шерстяные чулки мальчишки были мне велики, но я решила эту проблему насовав в носы тряпок, и, хотя ходить в такой обуви было крайне неудобно, она по крайней мере не спадала с ног и надёжно защищала от слякоти, образовавшейся вследствие прошедших недавно дождей.

С волосами, правда, пришлось немного повозиться, но и их, после небольших усилий удалось скрутить в крепкий узел и спрятать под шерстяной шапочкой, какие носили моряки по всему побережью.

И вот, старательно изображая мальчишку и стараясь не сильно стучать зубами из страха быть рассекреченной, я, памятуя советы капитана, отправилась в первое же питейное заведение, которое судя по яркой вывеске, изображающей улыбающегося во весь рот усатого толстяка в полосатом фартуке, предлагающего посетителям большую кружку полную странной белой пены и гордо именуемое "У Бена", являлось не только местом, где можно было с дороги промочить горло, но, и постоянным двором, и справилась о том, где могу нанять карету для путешествия.

О том, что ляпнула что-то не то, стало понятно по взрыву хохота, донесшегося со стороны расположенных полукругом столиков и недоумевающему взгляду стоящего за стойкой хозяина, глядящего на меня как на умалишённую.

– Карету? Да, ты никак с луны свалился парень или эля перебрал? Откуда в здешних местах взяться карете?

"Не поддавайся панике" – твердила я себе, лихорадочно соображая, как выпутаться из столь щекотливой ситуации. Не придумав ничего лучше, я громко расхохоталась вместе с остальными, сделав вид, что это было не более, чем шутка.

Какой-то человек поднялся из-за стола и подойдя сзади, крепко хлопнул меня по плечу, одновременно кинув на стойку пару монет:

– Славный малец. Эй, хозяин, налей-ка моему приятелю эля и принеси вон к тому столику, а мы пока с ним о делах потолкуем.

От лёгкого похлопывания сильной руки, я едва не просела на землю, а когда человек подхватив меня под руку и, чуть ли не силком потащил к своему столу, я уже была готова выть и брыкаться, но следующая фраза, произнесенная угрожающим, шепотом заставила меня захлопнуть рот и позволить себя увлечь.

– Тише, глупая девчонка, иначе, мне тебе уже ничем не помочь!

Он назвал меня девчонкой? Но, как он узнал? Опустившись на указанный стул, я, борясь с брезгливостью и стараясь не слишком морщиться от отвращения, чтобы никого ненароком не обидеть, положила руки на плохо знакомую с тряпкой шероховатую поверхность стола и во все глаза уставилась на незнакомца.

Небритый, с сеткой морщинок вокруг внимательных голубых глаз, он не слишком отличался от остальных посетителей, собравшихся здесь в столь ранний час и выглядел неухоженным со своими нечёсанными волосами, собранными сзади в небрежный хвост и в обветшалой серой куртке, которая когда-то была наверняка хорошего качества, нынче же превратившись в настоящие лохмотья.

– Кто вы? Что вам от меня нужно? – дождавшись, когда любопытный хозяин поставит на стол глиняный кувшин и два не слишком чистых стакана, я обратилась к тому, кто сейчас, вальяжно развалившись на стуле, оглядывал меня самым неприятным образом.

– Будет лучше, если для начала мне поведаешь: кто ты и откуда, потому что несмотря на правильную речь, акцент у тебя нездешний.

– Акцент? Но, я думала...

– Можешь поверить мне на слово, деточка, что ты всего парой слов успела привлечь внимание к своей персоне самых отъявленных бандитов в этих местах, – он кивнул в сторону стоящего возле засаленного окна столика, за которым сидели двое громил, изо всех сил старающихся прислушаться к нашему разговору. – Так что, либо ты рассказываешь мне кто ты и откуда, либо...

Я похолодела. Страх с такой силой сдавил горло, что стало трудно дышать. Могла ли я довериться кому-то, кого совершенно не знала? А вдруг, он один из них?

Шумно сглотив и поперхнувшись собственной слюной, я закашлялась и, почти машинально приняла из рук собеседника наполненный на треть стакан, который зажмурившись опрокинула в себя, морщась от противного кислого вкуса, ещё больше обжегшего горло.

– О, Аллах! Эту гадость приготовили из крови шайтана? – я спешно достала из кармана платок и постаралась вытереть им язык, чтобы избавиться от мерзкого ощущения, которое и не желало проходить.

– Ха, – незнакомец довольно откинулся на стуле, – так я и думал! Ты – персиянка?

– Что?! Нет! Да, нашлёт Всевышний беды на этот проклятый народ! Нет, но не очень далеко оттуда. А как вы догадались?

– Видишь ли, дитя, прежде чем стать контрабандистом, я в своей иной жизни успел достаточно повидать, чтобы прекрасно разбираться в подобных мелочах. Несмотря на то, что внешность у тебя не слишком типичная для восточных женщин, тем не менее, она довольно отличается от европейских канонов. Смею предположить, что ты дитя от смешанной связи, я прав?

Да, он был прав, но я не собиралась открывать всей правды совершенно незнакомому человеку, который слишком много знал и от которого неизвестно чего стоило ожидать.

– Допустим. Мои родители умерли от тяжёлой болезни и теперь, мне необходимо найти единственных оставшихся родственников, которые смогут позаботиться обо мне в этих чуждых мне краях. Вы можете мне?

Мужчина бросил быстрый взгляд в сторону окна и вновь посмотрел на меня:

– Что я получу взамен? Надеюсь, ты не думаешь, что я стану рисковать собственной шеей просто так, по доброте душевной?

Он был прав, причин помогать мне у него не было, как и денег, которых я могла бы ему заплатить. Всё, что у меня оставалось – это ожерелье, которое я припрятала на самый тяжёлый момент и кольцо, с которым никогда прежде не расставалась. Что же, видимо настал тот самый момент, когда мне придётся с ним распрощаться.

Испытывая невероятные душевные муки словно лишаясь самого дорогого, я вытащила его из нагрудного кармана и протянула контрабандисту, который при одном только взгляде на перстень изменился в лице и ошарашенно воззрился на меня:

– Откуда у тебя это? Кто тебе дал? Говори! – он с такой силой схватил меня за руку, что мне показалось, что он сейчас переломает в ней каждую косточку. От невыносимой боли слёзы проступили на глазах и не имея сил сдерживаться, я простонала:

– Я не знаю! Мне его подарил один ваш соотечественник, которому я когда-то спасла жизнь...

– Соотечественник? – мужчина резко выпустил мою руку и внимательно осмотрел кольцо, не упуская ни единой мелочи вплоть до внутренней гравировки. – Господи... неужели это то, о чём я думаю?

Всё ещё потирая пострадавшую руку, я посмотрела на него как на умалишённого:

– Так, вы можете мне или нет?

Мужчина нахмурился. Бросив взгляды по сторонам, он нервно облизнул губы и потянувшись к кувшину, залпом опрокинул в себя всё его содержимое даже не поморщившись. Не спуская с меня глаз, он вновь схватил мою руку, но только для того, чтобы вложить кольцо в ладонь, которую он тут же зажал.

– Держи это крепко, и больше никогда никому не показывай! Филдинг ни за что бы не стал разбрасываться семейной реликвией, если бы у него не было на, то серьёзных причин. У меня должок перед хозяином этого кольца, поэтому я помогу тебе, ну а ты, при случае, замолвишь за меня перед ним словечко, лады?

Мужчина плюнул в свою ладонь и протянул её мне. Я брезгливо уставилась на неё, не зная, как реагировать на подобную выходку. К моему удивлению, испытываемый мной ужас его только позабавил:

– Прости, крошка! Годы жизни среди отребий, совершенно лишили меня манер, тщательно прививаемых когда-то моими почтенными родителями. Так среди простых людей принято закреплять сделку. Оба плюют в ладони и скрепляют договор рукопожатием.

Я облегченно вздохнула и нашла в себе силы улыбнуться в ответ:

– Довезите меня до места, именуемого Беркширом в целостности и невредимости и клянусь, что непременно пожму вашу руку... Наверное...

Громкий хохот был мне ответом. Опрокинув в себя добрую порцию кислоты и утерев рот прямо рукавом, мой случайный союзник, делая вид, что набивает табаком вытащенную из кармана трубку, процедил сквозь зубы:

– Сейчас ты встанешь и подойдя к хозяину спросишь где у них тут отхожее место, но вместо того, чтобы выйти во двор, незаметно поднимешься по лестнице на второй этаж. Вот ключ, – я едва не подпрыгнула на месте, когда почувствовала, как что-то увесистое упало мне на колени. – Моя дверь справа в конце коридора. Услышишь снаружи шум, не высовывайся, поняла?

– Поняла, – так же шёпотом ответила я, на самом деле совершенно ничего не понимая. Тем не менее, я в точности выполнила всё, о чём просил меня странный человек и заперев дверь, прислонилась к ней спиной. Сердце выбивало бешеный ритм в ожидании того, что должно было произойти следом и когда прямо под окнами раздались глухие звуки ударов и чей-то вскрик я не удержалась и бросившись к окну осторожно его приоткрыла.

Из того, что мне удалось подглядеть я поняла, что та парочка бандитов, что на протяжении всего разговора не спускала с нас глаз, поднялась сразу же после моего ухода. Не знаю каковы были их мотивы, но, если бы не новый знакомый, мне наверняка пришлось бы несладко. Он вышел во двор следом за ними и, воспользовавшись преимуществом внезапного нападения, поспешил нанести им несколько ударов, отчего они сейчас без сознания валялись прямо у его ног. Оглядевшись по сторонам и убедившись, что свидетелей потасовки не было, он резко поднял голову и столкнулся с моим взглядом:

– Сказал же не высовываться, – пробурчал он, а затем махнув рукой дал понять, чтобы я немедленно спускалась, – стрелой сюда пока эти, – он пнул одного из них под рёбра ногой, обутью в замызганный сапог, – не оклемались и не бросились нас догонять!

Повторять дважды мне не требовалось. Его слова ещё звенели в воздухе, а я уже была на заднем дворе. Не дожидаясь пока нас кто-нибудь заметит и поднимет тревогу, мы перелезли через невысокий частокол и бросились наутёк туда, где у моего неожиданного спутника, как оказалось, была припрятана лодка.

Солнце ещё не успело подняться высоко, как мы на всех парусах покинули не слишком гостеприимный берег.

Глава 32

Тони, так звали моего нового друга, оказался довольно приятным собеседником и интересным рассказчиком. Трясая всю дорогу до Беркшира в странном сооружении, напоминающем наши закрытые кареты, но гораздо менее удобном и называемом звучным именем – дилижанс, он развлекал меня рассказами о здешних местах и нравах высшего общества, к которому в скором будущем я собиралась примкнуть. Узнав, что прихожусь родственницей лорду Каслотеру, он был немало удивлён, так как в свете давно бытовали слухи, что единственную дочь лорда похитили берберские пираты, и о её дальнейшей судьбе никому ничего не было известно.

Признаюсь, светские манеры Тони, которые он изредка демонстрировал, ставили меня в тупик. Я никак не могла понять почему такой высокообразованный человек как он, который вполне мог бы построить блестящую карьеру офицера, был вынужден вести столь странный образ жизни скитальца и контрабандиста? Я пыталась это выяснить, задавая наводящие вопросы, но он всякий раз умудрялся с неизменной вежливостью и остроумием от них уклониться, своим загадочным поведением лишь ещё больше подогревая мой интерес.

Изредка, мы останавливались на постоялых дворах, но лишь для того, чтобы сменить лошадей и перекусить в местной таверне, а, едва успев привести себя в порядок, вновь трогались в путь.

Как оказалось, дилижанс обладал одной неприятной особенностью – помимо нас, в нём ехали ещё шесть человек, которые двигались приблизительно в том же направлении, что и мы. Иногда, кто-то из пассажиров добравшись до конечной точки своего путешествия покидал экипаж, но ненадолго. Буквально на следующей стоянке его место занимал новый пассажир, который продолжал свой путь в нашей компании. И, если четырёх "счастливчикам" сидящим лицом друг к другу было более или менее комфортно на жёстких сидениях экипажа, то четверым остальным, вынужденным ютиться на откидных сидениях прямо на дверцах, приходилось очень туго. Со слов Тони, защёлки, часто приходящие в неисправность, регулярно играли с пассажирами злую шутку, в результате чего дверцы на большой скорости могли неожиданно распахнуться и люди на ходу попросту выпадали на землю. И было счастьем, если возница вовремя замечал произошедшее и успевал остановить лошадей, в противном случае пострадавшие пассажиры оставались невзвест где и частенько без багажа, который благополучно путешествовал дальше без своих хозяев надёжно закреплённый бечёвкой на крыше экипажа.

И вот, когда по заверениям возницы стало известно, что до конца путешествия осталось не больше мили, я, предчувствуя разлуку с человеком, к которому самым непостижимым образом успела проникнуться симпатией и дружбой, решила задать давно мучавший меня вопрос. Бросив взгляд на болтающих напротив пассажиров и убедившись, что поглощённые своим разговором они не слушают нас, я повернулась к приятелю:

– Кто он, Тони?

– Кто? Ты о ком спрашиваешь?

– Ну, – я слегка замялась, пытаюсь подобрать правильные слова, – тот человек, кольцо которого ты видел. Кто он?

Мой собеседник напрягся. Отвернувшись, он сделал вид, что сосредоточился на виде за окном:

– О, узнаю эти места, крошка! Мы почти на месте.

Словно в подтверждение его слов, возница остановил экипаж и, соскочив с козел, чтобы дать ногам пару минут отдохнуть, зычным голосом провозгласил:

– Эй, кому нужно было до Рединга? Приехали.

Не дожидаясь особого приглашения, Тони вылез из дилижанса и протянув руку, галантно помог мне спуститься к немалому удивлению наших попутчиков, до сих пор принимающих

меня за мальчишку. Подмигнув одной из наиболее любопытных женщин в странной украшенной искусственными цветами шляпке, завязанной под подбородком несуразно пышным бантом, Тони без дальнейших церемоний захлопнул перед её носом дверцу, чтобы она и не вздумала подслушивать.

– Дальше, сможешь добраться сама. Вон погляди, видишь верхушку церкви? Держись её, а как поравняешься, сворачивай направо и затем всё время прямо. Ну, удачи! – грустно улыбнувшись, он похлопал меня по плечу.

– А, как же ты? Куда, ты теперь? – почему-то было тяжело расставаться с этим человеком, на время путешествия заменившего мне отца и старшего брата.

– Пока до Лондона, нужно привести в порядок кое-какие дела, ну а дальше... там, крошка, уж как карта ляжет, – подмигнув, он сделал вид, что плюнул в руку и протянул её мне. На этот раз я не сомневалась. В точности повторив его манеру, я приняла его руку и крепко пожалала, чем вызвала его громкий смех.

– Эй, долго вы ещё там? – грубый голос кучера раздался с козел, на которые он вновь успел взобраться.

– Иду уже, – крикнул в ответ Тони, и прежде чем влезть внутрь, внезапно притянул меня к себе. – Он хороший человек, тот, кто дал тебе кольцо. Когда-то, мы были добрыми друзьями.

– Когда-то? Что же испортило вашу дружбу?

– Я убил его брата, – откровенный ответ ошарашил меня, заставив отпрянуть назад.

С расширенными от ужаса глазами, я, потеряв дар речи следила за тем, как Тони отвернувшись, забрался внутрь и с видом господина велел вознице трогать.

Дилижанс подпрыгивая на ухабах покотился дальше по дороге, в то время как я, осталась в центре развилки, всё ещё с трудом переваривая то, что только что услышала.

День клонился к вечеру и стоило поторопиться, чтобы не вваливаться в дом к бабушке с дедушкой в темноте. Тряхнув головой решительно прогоняя прочь неприятные мысли, вызванные неожиданным признанием Тони, я закинула узелок с нехитрыми пожитками на плечо и зашагала туда, где среди деревьев виднелась маковка небольшой церквушки.

Поместье Уиллоуз-мэнор, до которого меня любезно предложил подвезти пастор, направляясь в двуколке в ту же сторону, оказалось именно таким, каким его когда-то описывала матушка: величественной усадьбой, окружённой со всех сторон красивым парком, к которому вела широкая подъездная аллея, сплошь посыпанная белым гравием. Стены большого двухэтажного дома были художественно увиты плющом с одной стороны так, что были видны только окна, причудливо смотрящиеся в живой зелёной раме.

На настойчивые вопросы священнослужителя относительно того, что мне могло понадобиться от хозяев поместья, я уклончиво отвечала, что ищу работу. Ну, а так как я всё ещё была переодета мальчишкой, ему пришлось поверить мне на слово и переключить всё своё внимание на дорогу.

– Ну, вот мы и приехали, сынок, – пастор грузно спустился на землю и передал поводья словно по волшебству появившемуся вмиг лакею в зелёной с серебром ливрее. Как мне успел объяснить по дороге до Беркшира Тони, каждый благородный дом отличался собственными цветами, и потому, при одном лишь взгляде на ливрею слуги всегда можно было с точностью определить, какой семье он служит.

– Надеюсь, родители должным образом воспитали тебя в христианской вере, и ты не станешь пропускать еженощные службы в нашем приходе? – спросил священник прежде, чем постучать в большую, обитую кованым железом дверь.

Я чуть не поперхнулась. Мусульманка в церкви? Да мои покойные родители в могилах перевернутся от подобной новости, ибо мама, ещё до моего рождения приняла веру отца и сделала всё, чтобы и я была воспитана по исламским законам. Однако, как объяснить это пастору? Не зная, что ответить, я лишь неопределённо кивнула и пожалала плечами.

Уверенный в том, что перед ним очередная заблудшая овца, которую срочно нужно спасти и ввести в лоно стада, падре повернулся было ко мне готовый разразиться целой тирадой, когда дверь широко открылась и в проёме появился худощавый пожилой дворецкий, в котором я безошибочно признала часто описываемого мамой Эндрюса.

Почтительно склонившись в приветствии, слуга любезно произнёс:

– Добро пожаловать в Уиллоуз-мэнор, отец Одли. Уверен, леди Каслуотер, которая нынче пребывает в добром расположении духа, будет рада вас видеть к ужину.

Приняв от священнослужителя шляпу и перчатки, он предложил ему проследовать в малую гостиную, когда взгляд его упал на мою стоящую в сторонке персону.

– А вы, молодой человек, кто бу... – внезапно он осёкся. Словно не доверяя собственным глазам, он достал из жилетного кармана монокль, которым так же частенько пользовался и мой отец и, вставив в правую глазницу воззрился на меня так, будто увидел привидение:

– Святой Боже! Это вы? – монокль упал и беспомощно повис на тонкой цепочке в то время, как преданный слуга, борясь с эмоциями протёр дрожащими пальцами внезапно покрасневшие глаза.

К счастью, священник к тому моменту успел пройти в гостиную, так что отпала необходимость объяснять постороннему странное поведение дворецкого. Слова были не нужны, я и так всё поняла. Если бы не цвет волос – у мамы белокурый, а у меня – иссиня-чёрный, я была бы точной копией юной Вайолет Каслуотер, как она звалась до тех пор, пока хан не назвал её из-за необычного цвета глаз другим созвучным именем – Бановша-фиалка.

– Нет, Эндрюс, я не Вайолет, – подойдя к нему ближе, я взяла его за трясущиеся руки и заставила на себя взглянуть, – я её дочь...

* * *

Тони и сам не знал, почему рассказал этой малышке с фиолетовыми глазами то, в чём никогда и никому признаваться не собирался. Возможно, она напомнила ему младшую сестрёнку Розмари, которую он оставил на попечение незамужних тёток много лет назад, сбежав как последний мерзавец, пристрелив своего лучшего друга.

Та ночь, изменила судьбы многих людей, и в первую очередь его собственную. Будучи единственным наследником вполне приличного поместья по соседству с Рейвенхёрстом, он с самого детства дружил с обоими сыновьями барона Блейкни, после отъезда Райтона особенно сблизившись с его старшим братом Родни, наследником барона. Молодые люди были неразлучны: вместе охотились, вместе играли, вместе волочились за местными красотками. Казалось, что так будет всегда, но, как же они все ошибались...

Встреча на одном из приёмов с юной нареченной Родни по имени Мирабель Бересфорд, перевернула с ног на голову всю его дальнейшую жизнь. Увидев её впервые, Тони решил, что она – самый настоящий ангел, спустившийся с небес, чтобы лишить его покоя и сна. Прекрасная, как сама любовь, Мирабель озаряла своим внутренним светом всё вокруг так, что ему захотелось прикоснуться к ней, получить возможность узнать, как это бывает, когда ты любим такой, как она. Он и не мечтал, что девушка соизволит с ним хотя бы заговорить, но она это сделала. Сначала, это были короткие и ничего не значащие фразы о погоде, о музыке, о том насколько нелепо выглядит супруга майора Эдвардса в розовом платье с буфами и дюжиной бантиков в причёске, но, постепенно, по мере того как они стали чаще сталкиваться на балах и музыкальных вечерах, разговоры всё чаще стали принимать всё более фривольный характер. Тони и сам не понял, как это произошло, но он стал отчаянно нуждаться в обществе юной красавицы, чей невинный взгляд и чуть капризно надутые губки привлекали его гораздо сильнее, чем десятки откровенных декольте и призывных вздохов местных кумушек, бывших не против того, чтобы оказаться в постели с одним из самых завидных холостяков графства.

Он презирал их. Неверные жёны не вызывали в нём ни сочувствия, ни жалости, но только не она! Мирабель была его ангелом, чья святость не подвергалась никаким сомнениям. Непре-

одолимое желание видеть, слышать, прикоснуться к ней заставляли Тони всё больше отдаляться от друга Родни, предпочитая общество его невесты, и, однажды, он услышал от неё то, о чём не мог и мечтать, робкое и едва слышное: «Я люблю вас»...

И он пропал!

Робкие застенчивые поцелуи в тёмных коридорах сменились жаркими и страстными объятиями, а нежные поглаживания шеи и плеч – откровенными ласками, когда на теле любимой не остаётся ни единой неисследованной клеточки и знакома каждая родинка. Он сходил с ума от ревности, представляя, как к ней прикасается Родни, который вскоре должен был стать её законным супругом. Он уговаривал её разорвать помолвку и бежать с ним в Гретна-грин, где бы они смогли пожениться и зажить счастливой семейной жизнью, но она уговаривала его не спешить, а дать ей время всё решить самой. Он ей поверил и, как последний дурак, ждал вплоть до того момента, когда не стало уже слишком поздно.

Их последняя встреча состоялась накануне свадьбы, когда, будучи в приличном подпитии жених вместе с друзьями, прощаясь с холостой жизнью проводили приятный вечер за игрой в карты. Улучив момент, Тони увлёк любимую к дальней изгороди, чтобы в последний раз постараться убедить её бежать с ним. И тут, она впервые показала ему своё истинное лицо. Рассмеявшись, Мирабель самоуверенно заявила, что никогда всерьёз не рассматривала Тони в роли своего жениха, отводя ему место лишь очередного любовника.

Очередного?!

Не в силах поверить в то, что слышит, Тони попытался переубедить возлюбленную иным способом. Он не понимал, как та, что с таким пылом предавалась с ним страстной любви, могла предать, отказаться от него. И, даже тогда, когда Родни неожиданно обнаружил их сплетённые тела прямо на голой земле, он всё ещё надеялся на то, что Мирабель не оставит его. Напрасно... Она это сделала. Как была нагая бросившись к жениху, она со слезами на глазах заявила, что Тони соблазнил и обесчестил её.

Едва стоящий на ногах Родни бросился на "соблазнителя", но был жёстко отброшен в сторону. Тогда, видя, что в подобном состоянии он не способен справиться с обидчиком, Родни решил вернуться в дом, где собирался во всеулышание объявить о позоре. Этого, Тони допустить не мог, нужно было любым способом заставить Родни молчать. Ещё толком не соображая, что делает, он выхватил из кармана валяющегося на земле сюртука пистолет, который прихватил с собой для того, чтобы убедить Мирабель в том, что готов умереть ради нее, и не думая, выстрелил жениху прямо в голову.

Оглушающий грохот выстрела привёл его в чувство. В ужасе от содеянного, он как во сне смотрел на кричавшую Мирабель, которая вместо того, чтобы, как приличная девица, упасть в обморок, зло назвала его "Ублюдком, разрушившим её жизнь" и поклялась уничтожить.

Что ему оставалось делать? Глубоко страдающий от содеянного и безмерно разочарованный в той, которую боготворил, юноша бежал, предоставив Мирабель самой выпутываться из создавшейся ситуации, в которой она сыграла не последнюю роль. Презирая сам себя за малодушие и трусость, он не посмел вернуться в отчий дом, а примкнув к контрабандистам стал вести жизнь бандита и висельника.

Теперь же, после встречи с юной девушкой, не побоявшейся бросить вызов целому миру и в одиночку пересечь не одно море, чтобы найти потерянную родню, он устыдился самого себя и той жизни, которую вёл. Ему захотелось вернуть всё то, что он потерял по вине лживой сирены, вскружившей ему голову своим волшебным, несущим погибель пением, вот почему сейчас, вместо того, чтобы вернуться к бандитам, он направлялся в Лондон, где собирался узнать всё, что происходит в обществе и поквитаться с той, которую когда-то любил больше жизни, а нынче же ненавидел всеми силами своей навеки проклятой души.

Глава 33

– Итак... гм... вы утверждаете, что хорошо знакомы с нашей дочерью Вайолет? – получасовая тишина была нарушена тогда, когда я, признаться на это уже и не надеялась. Этот, несколько надменный голос, в котором не ощущалось ни малейшего намека на теплоту, принадлежал моей бабушке- леди Фелисити Ноулидж, баронессе Каслуотер, не спускающей с меня прищуренного взгляда водянисто-карих глаз, трехкратно увеличенных окулярами лорнета, который она ежеминутно наставляла на мою, скромно сидящую на краешке стула персону.

Да, это был определенно не тот приём, на который я признаться рассчитывала, но, не имея ничего иного, приходилось мириться с тем, что есть. Меня усадили на стуле в центре гостиной, в то самое время, как вокруг на парчовых креслах и диванах расположились немногочисленные представители семейства Ноулидж, специально собравшиеся по такому случаю и одаривающие меня взглядами, в которых наравне с удивлением, сквозили брезгливость и презрение.

Я их не осуждала, ведь в конце концов не каждый день на пороге появляется одетая в поношенную мужскую одежду девица, заявляющая, что приходится им ближайшей родней. Они в праве были сомневаться, и мой долг был помочь им, объяснить всё как есть, чтобы они поскорее смогли смириться с этой мыслью и принять меня в свою семью.

– Да, мадам, я знала её очень хорошо. Она была моей матерью.

Пренебрежительное движение плеч было столь мимолётным, что мне даже показалось, что это всего лишь плод моего разыгравшегося воображения.

– Кто же, в таком случае, был ваш отец? Пират? Купец?

– О, нет, мадам. Мой отец был величайшим правителем небольшого государства, именуемого Гызылдаг и, смею вас уверить, что ваша дочь, долгие годы была его единственной возлюбленной и женой.

– Женой?! О, какая глупость! Добрая христианка никогда не смогла бы стать женой язычника, коим, не сомневаюсь был ваш отец. Следовательно, их связь нельзя назвать законной! Более того, это постыдно, и ни в коем случае не должно быть вынесено за пределы этого дома, вы слышите? Ни в коем случае!

– Но...

– Не смейте произносить ни звука, прежде, чем вам это позволят! – произнесённая сквозь сжатые губы фраза, заставила меня вздрогнуть.

О, Всевышний, стоило ли тратить столько времени и сил, пытаюсь очутиться подальше от Зейнаб ханум, для того, чтобы услышать её излюбленную фразу здесь, в самом сердце Англии, да ещё и от людей, стоящих, как ни крути, ниже меня по статусу?

Ну, разумеется, об этом обстоятельстве вслух я рассуждать не стала, так как вовсе не желала прослыть невоспитанной дикаркой, прибывшей с другого конца света. Смирненно опустив голову и стараясь абстрагироваться от окружающих меня людей, я терпеливо дожидалась окончательного вердикта, от которого зависела моя дальнейшая жизнь.

– Сколько вам лет? – спросил мужчина, сидящий по правую руку от меня. Его белёдые, лишённые всякого цвета глаза лениво скользили по мне сверху вниз.

– Шестнадцать.

– Так юна...

– Не совсем, сэр. На востоке, девушек рано выдают замуж и в этом возрасте, у них уже нередко рождаются пара, а то и больше детей.

– Чудовищно! Несчастливая Вайолет! Представляю, как тяжело ей пришлось, – леди Каслуотер вновь направила на меня лорнет, что-то едва слышно бормоча себе под нос. – Кстати, где

же она? Почему наша дочь прислала сюда вас? А, понимаю, наверняка осознаёт весь ужас собственного падения и не решается предстать перед почтенным обществом.

О, Аллах! Да что это за люди такие? У них что, вместо крови по жилам течёт ледяная вода? Почему они всё время говорят о приличиях, когда давно должны были обрадоваться долгожданной весточке о давно пропавшей дочери?

– Нет, мадам, уверяю вас, моей матери не пристало стыдиться, ибо она не совершила ничего такого, за что бы могла навлечь позор на себя и своих близких. Мама погибла, как и мой отец несколько месяцев назад во время государственного переворота, организованного моим единокровным братом, узурпировавшим ханский трон.

Ахи и охи прошелестели вокруг меня, но все взоры были обращены на властную женщину, сидящую напротив, которая при последних словах скривилась так, будто съела с полдюжины кислых лимонов.

– Умерла..., – женщина тяжело вздохнула, однако тут же выпрямившись в кресле так, словно саблю проглотила, – впрочем, ничего удивительного. Для нас Вайолет умерла в тот день, когда попала в плен к берберам, захватившим в плен корабль, на котором она вместе с тётёй и дядей плыла во Францию.

Произнеся эту жестокую фразу, женщина выразительно посмотрела на своего супруга, с самого начала нашей встречи тихо сидевшего в одном из кресел и даже не пытающегося делать вид, что рад приезду, как оказалось вовсе не желанной родственницы.

Барон Каслуотер лишь неопределённо пожал плечами, предпочтя перевести взгляд на мои сильно стоптанные и заляпанные грязью ботинки, которые касались края расстеленного на полу чудесного ковра, грозя испортить редкий рисунок. Сжавшись, я поспешила задвинуть ноги под самый стул, пока не вызвала очередную волну упрёков и недоброжелательности.

– Тётя Фелисити, что же нам с ней делать? – к хозяйке дома обратилась миловидная девушка в красивом платье с зачёсанными в причудливую причёску волосами. – Она же опозорит нас на всю округу и тогда не видать нам с Луизой приличных женихов, как своих ушей. Кто же захочет взять в жёны девицу, на семье которой лежит несмываемое пятно позора? А этот жуткий головной убор! Кто знает, что она прячет под ним?

Как я ни старалась справиться с эмоциями, но после последней фразы я почувствовала, как с трудом сдерживаемые слёзы подкатили к самым глазам, грозя всё испортить. Хотя, чего уже тут портить? Я не настолько глупа и наивна, чтобы не понимать, что отнюдь не являюсь желанной гостьей в этом доме, а значит, как это не прискорбно, мне не стоит дольше мучить его обитателей своим присутствием и задерживаться здесь дольше того, чтобы успеть попрощаться.

Я поднялась. Шесть пар удивлённых глаз следили за каждым моим движением ожидая любой недостойной выходки, над которой они могли бы посмеяться и тем самым вдоволь потешить собственное тщеславие. Но, я не собиралась доставлять им подобного удовольствия. Я – княжна Фарах Шахин! Я была дочерью великого хана и супругой великого паши, приходящегося племянником самому османскому султану, чья сила и могущество в разы превышает всю их хваленую Англию, пропади она пропадом. И, пусть я здесь чужая, тем не менее никому не позволю вытирать о себя ноги так, будто я какая-нибудь бесправная рабыня.

Сорвав с головы шерстяную шапочку, я позволила тяжёлым волосам каскадом спуститься вниз. Встряхнув головой освобождаясь от нелепых страхов и сомнений, я вызывающе посмотрела прямо в глаза той, которая считала для себя оскорблением называться моей бабушкой:

– Мой приезд сюда был ошибкой, теперь я это понимаю, как никогда. Я не желала вносить смуту в вашу семью и ставить под удар вопрос о замужестве ваших племянниц. Я уйду с чистой совестью и обещаю, что больше не потревожу ваше драгоценное общество. Приятно оставаться!

Не глядя больше ни на кого, я сделала пару шагов к выходу, когда меня одёрнул резкий окрик:

– Дочь Вайолет, немедленно вернитесь на место, и впредь не смейте своевольничать в этом доме!

Уж не знаю какой реакции от меня ожидали, но явно не той, которую получили. Помедлив лишь миг, я, не оборачиваясь, продолжила свой путь покинув комнату. Кивнув скорбно застывшему возле дверей Эндрюсу, который наверняка был свидетелем разговора, я прошла было мимо него, когда кто-то схватил меня за руку. Возмущённая, я обернулась и встретилась глазами с девушкой лет шестнадцати-семнадцати, которую видела в гостиной тихо сидящей возле камина. Луиза, кажется так назвала её сестра, громко заявившая о том, что из-за меня никто не захочет брать их в жёны.

Милое лицо и приятная улыбка, в которых не было и намёка на высокомерие присущее ее родне, она, чуть запыхавшись от быстрого бега, выдавила:

– Пойдите, не уходите! Ваше появление стало полнейшей неожиданностью для всех нас. Дайте нам немного времени, и обещаю, что всё изменится. Тётя Фелисити очень сожалеет о том, что только что произошло и просит вас остаться. Отныне, ваш дом здесь...

* * *

Тревожные крики грузчиков отвлекли Райтона от глубоких размышлений, которым он всё чаще в последнее время предавался и заставили посмотреть вверх, туда, где в это самое время с помощью лебёдки поднимали с борта "Королевы Бесс" доставленный по его специальному заказу груз. Грузовая клеть, заполненная до отказа коробками и тюками, с жалобным скрежетом перекосилась в одну сторону, грозя сорваться в любую минуту и, не только уничтожить большую часть дорогостоящего товара, но и похоронить под собой ни в чём неповинных трудяг, за сущие гроши гробящих здоровье в столичных доках.

С замиранием сердца Райтон следил за тем, как благодаря слаженной работе матросов и рабочих, опасный груз удалось без последствий водрузить на землю, где им занялась целая бригада, нанятая в судовой конторе. Он кивнул кучеру и двум телохранителям, обступившим его с заряженными пистолетами в руках, давая понять, что не собирается дольше задерживаться здесь и забрался в карету.

Лондонские доки... Интересно, есть ли в мире место более мрачное и опасное, чем это? Тёмные, заполненные нечистотами переулки, в каждом из которых тебя могла ждать неминуемая смерть. Грязные и изнеможённые проститутки, не имеющие сил стоять, просто валялись на обочинах, предлагая за пару монет то, на что позариться мог уже далеко не каждый. Беспризорники, играющие с дохлыми крысами, привязанными за верёвочки, которые они раскручивали над головой и под хохот пьяных матросов бросали в сторону случайных прохожих.

Даже граф Блейкни, успевший не единожды побывать на волосок от смерти, ни за что не осмелился бы сунуться сюда без хорошо вооружённой и отлично натасканной охраны. Убедившись, что груз прибыл точно в срок, Райтон велел кучеру возвращаться домой, в Суррей.

С тех самых пор, как он решил подать в отставку и всё своё время посвятить воспитанию единственной дочери, прошло несколько лет. Тогда, вернувшись с последнего задания, он был неприятно удивлён, застав в своём доме Мирабель. Вопреки категорическим запретам, она воспользовалась его отсутствием для того, чтобы вновь попытаться вернуться в Рейвенхёрст и смутить покой юной и доверчивой Лайлы, ничего не знающей о коварстве своей ближайшей родственницы и которая была очень рада воссоединению с матерью. К сожалению, у опальной супруги оказалось в распоряжении достаточно времени для того, чтобы привязать к себе девочку, которая страхась новой разлуки с родительницей, закатила Райтону настоящую истерику. Что ему оставалось делать? Пришлось скрепя сердце позволить Мирабель приезжать в поместье несколько раз в году в надежде на то, что их далеко не глупая дочь вскоре сама сможет во всём разобраться и собственноручно выставить свою горе-мамашу за дверь.

– Папочка! Ты приехал! Что ты привёз мне на этот раз? Ох, мне уже не терпится всё посмотреть!

Лайла встретила его во дворе, и не успела карета остановиться, как проказливая девчонка поспешила забраться внутрь прямо к отцу на колени.

– Здравствуй, солнышко, – поцеловав дочь в макушку, Райтон сделал знак выбежавшей следом горничной, чтобы оставила девочку в покое. – Как вы тут справлялись без меня? Надеюсь, ничего серьёзного не произошло?

– Ну что ты, папуля, всё хорошо, ничего сверхъестественного не произошло. Маман приехала, – чуть замешкавшись, произнесла девочка и умоляюще сложив ладошки взглянула на отца, – Пожалуйста, позволь на этот раз ей погостить у нас чуть дольше! Я так скучаю по вам обоим!

– А вот для того, чтобы ты не скучала, малышка, я привёз тебе целую коробку книжек с цветными картинками, как ты любишь, – он протянул руку и выудил из открытой коробки одну из книг, старательно уходя от разговора о супруге.

– Ой, какая красота! – восторг девочки был столь неподдельным, что Райтон невольно улыбнулся, Лайла в отличие от матери была искренней и честной, и он всей душой надеялся, что такой она и останется навсегда. – Вот только как же я пойму о чём в них написано? Здесь же вместо букв закорючки какие-то на непонятном языке.

– На этом языке говорят в османской империи, помнишь я тебе как-то рассказывал о ней?

– Помню. Ты ещё говорил, что хорошо знаешь этот язык, научишь меня?

– Нет, солнышко, боюсь, что не обладаю достаточными навыками, чтобы заняться твоим обучением, – и улыбнувшись глядя на кислую физиономию дочери, продолжил, – но, у меня есть идея, как справиться с проблемой. Я подыщу тебе гувернантку, владеющую тюркским и арабским языками, которая сможет обучить им и тебя.

– И тогда, когда я вырасту, ты отвезёшь меня в твой любимый Стамбул?

– Отвезу, родная, обещаю. А теперь, марш домой, я ужасно устал с дороги.

Словно почувствовав что-то, перед тем как войти в дом, он бросил взгляд на одно из окон на втором этаже, возле которого застыла Мирабель. Ему была неизвестна причина, по которой она зачастила в последнее время в поместье, но его, признаться, её визиты начинали порядком раздражать, пора было положить им конец.

Игнорируя её приветствие, он резко отвернулся и вошёл в дом.

Глава 34

– Кэндис, безрукая дура, ты опять плохо вытряхнула мою юбку! Вот, погляди, на подоле застыли комочки грязи с прошлого воскресенья! По-твоему, это сможет добавить мне привлекательности? Делай что хочешь, но, чтобы через четверть часа юбка была как новая!

– Слушаюсь, миледи...

С этой фразы начиналось почти каждое утро. Я просыпалась под истошные крики одной из моих кузин, которые казалось получали удовольствие почём зря третируя слуг.

Будучи дочерями младшего брата лорда Каслуотера, уделом которого был небольшой приход в Дербишире, им с детства приходилось вести умеренный образ жизни откладывая каждый пенни на "чёрный день", который наступил-таки в тот злополучный день, когда запряжённая двумя кобылами коляска с сидевшими в ней викарием и его женой внезапно понесла, и слетела в глубокий овраг, оставив двух юных девиц без крова и средств к дальнейшему существованию. Но, как же всё-таки удачно вышло, что о трагедии узнал старший брат, единственная дочь и наследница которого пропала без вести более десяти с лишним лет назад. Он вместе с супругой приняли девушек в своём доме и взяли на себя все расходы по их дальнейшему воспитанию.

Постепенно освоившись, старшая Аврора и младшая Луиза почувствовали вкус к роскошной жизни, которая как подарок с небес неожиданно обрушилась на них. Не нужно было больше экономить на одежде и побрякушках, для них были открыты двери лучших домов графства, а самые завидные женихи, прослышав о довольно приличном приданом, которое обещал за каждой из девиц добрый дядюшка, приглашали их на все танцы, заполняя бальные карточки до отказа.

Это и многое другое я узнала благодаря болтливости Кору, девушки, которой было поручено следить за тем, чтобы я получала всё самое необходимое и не тревожила по пустякам почтенное общество.

А всё началось с того, что в день прибытия я выразила возмущение тем, что мне не позволили принять ванну и постелили не слишком свежее постельное бельё. Откуда же мне было знать, что во всей этой хвалёной Европе, кичащейся своей цивилизованностью, не принято было мыться чаще двух-трёх раз в год из риска подхватить через воду какую-нибудь заразу?

О, Всевышний! Как же объяснить этим людям, что подхватить болезнь они рискуют не из-за воды, а скорее от её отсутствия?

Испытывая ужасный дискомфорт во время путешествия, во время которого мне приходилось при сложившихся обстоятельствах мириться со многими неудобствами, теперь же, в доме своей матери, этого терпеть я была не намерена. Видя, что никто из прислуги даже не пытается мне помочь, я демонстративно спустилась вниз и, попросив у удивлённо застывшей поварихи ведро, сама в несколько заходов натаскала воды из колодца для того, чтобы наконец-то смыть с себя пыль и грязь от длительной дороги. К сожалению, нагреть воду самостоятельно, у меня не было возможности, пришлось стуча зубами от холода мыться ледяной водой, зато, Кора, видя мои мучения, смогла незаметно принести из кладовой душистое мыло и скребок, валяющиеся там без дела, с помощью которых удалось привести себя во вполне человеческий вид, чему я была несказанно рада.

Отмывшись и впервые за долгое время чувствуя себя почти счастливой, несмотря на боли в руках и спине появившихся после непривычного физического труда, я, завернувшись в поданную девушкой ткань, собиралась нырнуть в постель, чтобы попытаться хоть как-то согреться, когда моё внимание привлекли несколько буро-жёлтых пятен на простыне. Сжавшись от отвращения, я стянула всё постельное бельё на пол и попросила его заменить, на что экономка с каменным выражением лица ответила, что подчиняется приказам исключительно

своей хозяйки и, если меня что-то не устраивает, то мне следует обращаться напрямую к ней. Я и обратилась. Для этого, мне пришлось за неимением иной, натянуть сменную мужскую одежду и отправиться разыскивать покои её милости баронессы.

Несмотря на жуткий осенний холод, в целях экономии, комнаты до наступления зимы не отапливали и, признаюсь, пока я добралась до нужной мне комнаты, я успела прилично замерзнуть.

Поджав губы и с таким видом, будто залпом выпила бутылку сока зелёного винограда, называемого "аб гора", бабушка, не проронив ни слова недовольно окинула меня взглядом с головы до ног, выслушала мою жалобу, а затем развернувшись собралась захлопнуть дверь перед самым моим носом, когда неожиданно передумала. Наверное, испугалась, что я выполню угрозу и покину их дом для того, чтобы на каждом шагу начать рассказывать о позоре, который навлекла на столь достопочтенное семейство блудная дочь.

Заметив маячившую в коридоре фигурку Кору, бабушка велела ей принести всё, что может мне понадобиться и, с чувством выполненного долга, закрыла дверь.

Эта победа досталась непросто, но она придала мне сил и, в последующие дни, если мне что-нибудь становилось необходимо, я обращалась уже не к хозяйке, а к Коре, которая своим желанием услужить чем-то напоминала мне Марал, по которой я очень тосковала.

Как оказалось, причиной подобного поведения молоденькой служанки стало то, что её тётушка служила в этом доме ещё при рождении моей мамы и была её кормилицей. Кора с детства много хорошего слышала о юной леди Вайолет и потому очень старалась быть полезной её дочери. Именно благодаря ей воду для моего омовения стали ежедневно приносить двое работников, которые прежде чем наполнить лохань, нагревали её на кухне. Разумеется, во избежание лишних разговоров я не могла этого делать в отведённой мне комнате, поэтому добрые слуги выделили мне небольшой закуток возле кладовой, где я и могла незаметно для домашних следить за личной гигиеной.

Мне трудно было понять нерадушное поведение своей родни, пока слуги однажды не объяснили мне в чём его причина. Оказывается, в лучших английских домах не приветствовалась нежность по отношению к собственным детям. Сразу же после рождения младенцы передавались кормилицам, которые и заботились о них в поместье, в то время как выполнившие свой "долг" родители получали возможность расслабиться и отдохнуть, уехав на весь сезон в Лондон, где не пропускали ни одного бала веселясь, как в последний раз. Случалось, что порой дети получали возможность увидеть родителей лишь в день собственного совершеннолетия, всё это время находясь под наблюдением слуг и специально нанятых для них гувернеров и гувернанток, которые занимались их обучением и старались максимально восполнить недостатки родительского внимания.

По сути, в гареме было то же самое, хотя и не совсем так. Да, за детьми приглядывали приставленные к ним нянюшки и мамушки, но при этом дети всегда имели возможность видеться и с отцом и матерью, которые принимали непосредственное участие в их судьбе. И, даже мой покойный отец, у которого было множество сыновей и дочерей, рождённых от разных наложниц, всегда уделял своё время каждому из нас, не позволяя чувствовать себя обделёнными.

Впрочем, та жизнь осталась далеко позади и мне пора бы уже давно перестать считать себя принцессой и научиться стойко принимать все удары судьбы, а их, как бы это печально не звучало, оказалось немало, и очередной я получила тогда, когда мне строго-настрого запретили покидать пределы комнаты в те часы, когда в дом с визитами приезжали гости. Исключалась любая возможность попасться на глаза даже прислуге визитеров, которая как известно была падка на сплетни и вполне могла выдать тщательно скрываемую Каслуотерами тайну.

Таким образом, я не получила приглашение на грандиозный бал, устраиваемый ближайшими соседями в честь дня рождения их дочери. Все, включая моих юных кузин и их опекунов, отправились на празднество, оставив меня одну. Самым обидным было даже не то, что мне

нечего было надеть, кроме нескольких домашних платьев принадлежащих моей матери, которые были выужены из недр, стоящих на пыльном чердаке сундуков и преподнесены мне, как королевский дар бабушкой, а то, что мне никто не посчитал нужным это предложить, хотя бы просто так, ради приличия. Причина оказалась всё той же – стойкое желание избежать позора и любой ценой скрыть моё пребывание в доме.

Но однажды случилась весьма неприятная история, о которой я просто не могу не пове­дать. В тот день к нам на ужин было приглашено семейство Эджертон в полном составе, вклю­чая их старшего сына и наследника, недавно вернувшегося из Европы и имеющего стойкое намерение на радость семьи выбрать себе невесту. Аврора и Луиза уже с самого утра забро­сали горничных поручениями, желая выглядеть максимально эффектно в глазах потенциаль­ного жениха и, нужно сказать, они в этом преуспели, от них просто невозможно было отвести глаз. И практически никто не сомневался, что молодой джентльмен непременно будет очаро­ван одной из красавиц.

К сожалению, так уж случилось, что в связи со всеми хлопотами, повариха не успела прислать мне ни обеда и ни ужина, так что к вечеру, чувствуя невероятную слабость и голово­кружение от голода и не имея возможности попросить кого-нибудь из слуг, занятых обслужи­ванием гостей, я решила рискнуть и осторожно спуститься вниз. Откуда же мне было знать, что именно в эту же самую минуту молодому господину, имеющему, как оказалось, дурную привычку выкуривать сигару чаще, чем это было предписано, вздумалось выйти в коридор и столкнуться со мной, поднимающейся по лестнице с тяжёлым подносом в руках? От неожиданности поднос выпал у меня из рук, а его содержимое живописно разлетелось в разные сто­роны, в том числе и на начищенные до зеркального блеска сапоги гостя.

В полутёмном коридоре ему вряд ли удалось бы меня разглядеть даже если бы на мне не было огромного чепца, под которым мне велено было прятать волосы, а он на мне был, и закрывал большую часть лица, но этого оказалось достаточным для того, чтобы вывести из себя хозяев дома, которые вместо того, чтобы представить, наконец, гостям, не замедлили прилюдно объявить меня нерадивой прислугой и прогнать с глаз долой.

Я не плакала, слёзы тут мне бы не помогли. Так и не поев, я собиралась уже лечь спать, когда в комнату прокралась Кора с большим куском пирога. Это было всё, что она смогла про­нести мимо всевидящего ока хозяев, но для меня это было тем более ценно. Не удержавшись, я расцеловала девушку в обе щеки отчего она зарделась, как кумач. Присев на край постели, она дождалась пока я доем, а потом, смущаясь и робея, произнесла:

– Мне очень жаль, что с вами так несправедливо обошлись. Это какими же надо быть нелюдями, чтобы с собственной внучкой так...

– Не надо, Кора, – я положила ладонь поверх её загрубевшей от работы руки, – не нужно их судить. Я уже давно поняла, что моё присутствие нежеланно в этом доме и поверь, уже давно бы ушла, если бы не приближение холодов. Скоро наступит зима, и я просто не знаю куда мне податься одной, в чужой стране.

– Знаете, что, мисс, волков бояться – в лес не ходить! Что вам наступление холодов, ведь здесь, в отличие от господских комнат, и так не топят. Думаете, к зиме что-нибудь изменится? Вам нужно обратиться в контору по найму, в Рединге как раз есть такая. Завтра у меня выход­ной и, если хотите, я пойду туда вместе с вами и помогу если что.

– Контора по найму? Что это такое? – я почувствовала, как внутри меня поднялась волна надежды, пока ещё неизвестно на что именно, но мне очень хотелось думать, что на что-то хорошее.

– Ну, там сидят разные люди, которым хорошо известно где и в какой дом требуются люди. Скажем, вы с вашими манерами и образованием, вполне могли бы стать компаньонкой какой-нибудь почтенной дамы или же гувернанткой чьих-нибудь детей.

– Правда? Думаешь, я смогла бы?

– Ну, конечно! Можете мне поверить.

Я поверила. С трудом уснув от будоражащих воображение мыслей, с рассветом я была разбужена Корой, и когда весь дом ещё тихо спал, мы, закутавшись в тёплые накидки, пешком отправились в сторону Рединга. Надеюсь на лучшее, я на всякий случай, прихватила все свои нехитрые пожитки, чтобы не возвращаться в дом и написала письмо, в котором благодарила своих бабушку и дедушку за тёплый приём, воспользоваться которым в полной мере я не смогла, так как возникли некоторые обстоятельства, вследствие которых появилась острая необходимость вернуться на Родину.

Письмо, в случае удачи, Кора передала бы уже после моего отъезда, тем самым избавив меня от необходимости объяснять причины своего неожиданного бегства.

Первые заморозки уже успели напомнить о себе покрыв лёгким инеем оголённые деревья и обочины дорог. Чавкая по грязи в грубых ботинках, я старалась как можно чаще приподнимать подол платья, чтобы не испортить то небольшое из приличной одежды, что у меня было. К тому времени, как добрались до конторы, мы обе успели порядком окоченеть, а потому были невероятно рады погреться у небольшого растопленного камина в маленьком холле, где кроме нас собралась огромная толпа народа так же, как и я надеющаяся получить хоть какое-нибудь рабочее место, которое дало бы гарантию того, что им удастся пережить зиму.

Дождавшись своей очереди я, робко улыбнувшись не служанке, но подруге, вошла в кабинет мистера Мейсона, как было написано на медной табличке, прибитой к двери.

– К сожалению, ничем не могу вам помочь, мисс. Вакансий для вас нет, – услышала я прямо с порога. Расстроившись, я кивнула и покинула кабинет посторонившись, пропуская вперёд какого-то прилично одетого джентльмена с тростью и в цилиндре, который случайно наступил тяжёлым сапогом мне на ногу.

На миг забывшись от боли, я пискнула и не удержавшись, выругалась на своём родном языке, пожелав, чтобы тяжёлый камень упал на его голову, когда мужчина внезапно замер и, приглядевшись ко мне внимательнее, предложил вернуться в кабинет.

Как оказалось, едва не сделавший меня инвалидом человек, представившийся как мистер Эммерсон, служил поверенным одного лорда, который дал ему невероятно сложное и, как он думал прежде невыполнимое поручение разыскать гувернантку для его маленькой дочери, которая бы владела тюркскими языками. Услышав моё восклицание, он невероятно обрадовался так как понял, что нашёл то, что искал. Задав мне несколько вопросов и убедившись в том, что я не лгу, он объявил, что я нанята, и мы немедленно отправляемся в Суррей.

Попрощавшись с рыдающей Корой и напомнив ей о письме, я, прижав покрепче узелок со своими пожитками, уселась в большую и очень удобную карету сидения который были застелены тёплым мехом, защищающим путешественников от холодов и, вот уже в который раз отправилась навстречу своей судьбе.

Глава 35

Возможно, всё дело в расшатанных нервах, но дорога до Суррея оказалась довольно длинной и утомительной. Один и тот же серый и унылый пейзаж, казалось, задался целью преследовать меня до самого конца пути. Как же сильно он отличался от родного Гызылдага. Здесь не было огромных и величественных гор, пронзающих белоснежными пиками облака, не было пестреющих разноцветием лугов, не было милого сердцу хары-бюль-бюль, покрывающего холмы и подножия гор, отчего в свете яркого солнца они издали казались золотыми. Вместо этого на многие мили пути вдоль дорог тянулись аккуратно обработанные поля с аккуратными домиками арендаторов, ухоженные пастбища с пасущимися на них коровами, овечками, козами. Несколько раз нам приходилось останавливать карету из-за того, что в тот же самый момент, дорогу под руководством сельских мальчишек переходили важные утиные семейства и гуся, отчаянно шипящие на лошадей и пытающиеся цапнуть их за ноги...

Заборы, изгороди... здесь почти не встречалось дремучих непроходимых лесов с дикими зверями, жёлтые огоньки глаз которых были особо хорошо видны в темноте и волчьим воем, способным на большом расстоянии сводить с ума лошадей. В Англии всё было настолько аккуратным, что даже небольшие живописные мостики через узенькие, изредка встречающиеся речушки, можно было смело назвать настоящими шедеврами ландшафтного искусства, но, тем не менее несмотря на свою красоту, они не заставляли моё сердце биться сильнее, напротив, своей монотонностью, они вызывали во мне сон, чему я и не пыталась сопротивляться, проспав добрую половину пути.

Я вновь выглянула в окошко, невольно сравнивая проплывающий мимо пейзаж с тем, к которому была привычной с детства. От мыслей о доме, которого больше не было, у меня заняло сердце. Ещё совсем недавно я была оберегаемой всеми богатой наследницей, предназначенной в жёны великому паше, каждая прихоть которой тут же исполнялась целым штатом гаремных слуг, а нынче же я сама превратилась в служанку, которую везут в дом работодателя. Каким он будет? Великодушным, как мой отец, или жестокосердным, подобно Джабиру? Будет ли наказывать за каждую провинность и лишать еды, как было принято в доме моих бабушки и дедушки или предпочтёт закрыть на них глаза? Всё это не могло меня не волновать, заставляя каждый раз вздрагивать от страха перед неопределённостью.

Да, я потеряла всё богатство, что у меня было, но разве же дело в деньгах? Разве способны были они вернуть мне маму и папу, и утраченный душевный покой? Разумеется, нет! А значит, пора выбросить из головы все пугающие мысли и сосредоточиться на своём будущем, каким бы оно ни было.

День клонился к вечеру и, если верить словам мистера Эммерсона, до конечной точки путешествия оставалось совсем чуть-чуть. Сегодня он впервые упомянул название поместья, услышав которое я едва не выпрыгнула из кожи вон. Рейвенхёрст! Я слишком часто вспоминала его, чтобы забыть, а потому, набравшись смелости спросила, какое отношение к Рейвенхёрсту имеет имя Блейкни, на что мистер Эммерсон неопределённо пожав плечами ответил, что эту фамилию испокон веков носят хозяева поместья, и одному из них я как раз буду иметь честь служить.

В голове теснился рой вопросов, но задать их я так и не смогла, потому что в эту самую минуту неизвестно откуда налетевший ветер принёс сизые облака, со страшным грохотом, сотрясшим всю землю, столкнувшиеся между собой и обрушившие на всё живое нескончаемые потоки воды. Дороги моментально превратились в непроходимые топи, в одной из которых у нас самым кошмарным образом слетело колесо. Не выдержав нагрузки, карета на ходу накренилась и рухнула на обочину, подняв столбы грязи и жутко напугав лошадей, едва не обезумевших от страха.

Ощупав себя со всех сторон и убедившись, что ничего не ушибла, я огляделась. Внутри стала набираться грязная вода и оставаться в карете дольше не имело смысла, поэтому, не дожидаясь, когда мне помогут, я выбралась вслед за мистером Эммерсоном наружу.

Как-то, в одной из прочитанных в детстве книг, мне встретилась такая фраза: "... и разверзлись хляби небесные...", – тогда, я никак не могла понять, что это может означать, теперь же я видела всё воочию. Видя, как мужчины стараются выправить карету, я сделала то, что в данный момент было самым верным – попыталась успокоить лошадей, для чего мне пришлось освободить их от упряжи и привязать к дереву. Внезапно сверкнув, огромная молния рассекла небо, ещё больше напугав и так постоянно взбрыкивающих и всхрапывающих зверюг. Не придумав ничего лучше, мне пришлось стянуть с себя плащ и накинуть на их головы, не переставая поглаживать и нашёптывать ласковые слова.

Не знаю сколько бы мы ещё смогли бы так продержаться, если бы за грохотом дождя по корпусу экипажа, ворчанием кучера и храпением лошадей, нам не удалось бы расслышать стук конских копыт и голос проезжавшего мимо всадника...

* * *

Тоска...

Всю последнюю неделю с Райтоном Филдингом творилось что-то неладное. Словно стальным обручем щемящая тоска сковала сердце, мешая свободно вздохнуть. Он поднял взгляд в небо, серое, грозное, пытаюсь найти ответ там, но помимо нескольких дождинок щёлкнувших его по носу не увидел ничего, что помогло бы объяснить его нынешнее состояние. Решив, что всё дело в том, что он уже давно не навещал своей любовницы, живущей в приобретённой для неё домике возле центральной площади городка, молодой граф, несмотря на ворчание старого грума о том, что в такой поздний час, да ещё и в ненастную погоду лучше сидеть дома, а не шляться невесть где и с кем, вскочил в седло вороного по кличке Гром и понёсся вперёд.

Он не проехал и половины пути, как начался сильнейший ливень, грозящий окончательно развезти дорогу. В считанные минуты вымокший до нитки, он с каким-то отчаянным упорством нёсся вперёд, словно чья-то рука гнала его навстречу судьбе.

Всё кругом резко потемнело, из-за плотной стены дождя не было видно ничего вокруг, когда впереди он заметил тусклый свет одинокого фонаря, какой обычно используют извозчики. Он едва не проехал мимо, когда услышал взывающие о помощи голоса. Всего лишь миг он решал, как ему поступить, а затем развернул коня и направил его на свет.

Его удивлению не было предела, когда в опрокинувшейся на обочину карете он узнал свою собственную, а его секретарь Эммерсон позабыв о всегда выгодно отличающем его безукоризненном внешнем виде, засучив рукава и с ног до головы вымазавшись в грязи, на пару с кучером пытался поставить слетевшее колесо на место.

Соскочив на землю, Райтон привязав Грома возле ближайшего дерева, бросился помогать и втроём им вскоре удалось справиться с задачей, но вот проблема – карета была слишком тяжела и, в таких условиях, поднять её с обочины не представлялось возможным. Было решено, что Райтон вернётся в поместье и вышлет на подмогу работников, а до того времени, поверенный вместе с кучером останутся ждать их укрывшись от дождя под деревом рядом с лошадьми.

Кстати, насчёт лошадей... Райтон был удивлён, когда неожиданно понял, что лошади несмотря на сверкающие ежеминутно молнии стояли, вполне спокойно не доставляя никаких хлопот. Однако, удивление его стало ещё больше, когда он увидел прижавшуюся к ним маленькую, вымокшую до нитки фигурку, которая, совершенно не думая о себе, самоотверженно заботилась о несчастных животных, прикрывая их от непогоды своим плащом. Такая забота о ближних не могла не тронуть сердце человека, успевшего всякого повидать на своём веку и, к своему громадному сожалению убедиться, что бескорыстие – вещь не присущая подав-

ляющему большинству тех, кого он знал и, разумеется, это чувство напрочь отсутствовала у женщин – эгоистичных и самовлюблённых созданий, неспособных заботиться ни о ком, кроме себя самих.

Исполненный противоречивых чувств, Райтон кивнул Эммерсону, сообщившему, что это новая гувернантка его дочери и подошёл к девушке, окоченевшей настолько, что даже не сразу поняла, что он обращается к ней. Ему пришлось положить руку ей на плечо и чуть ли не с силой развернуть к себе. Маленькое дрожащее тельце, словно лишившись опоры покачнулось и непременно рухнуло бы вниз, не подставь он вовремя руки и не подхвати её на лету. Она была почти невесомой и ему не составило труда забравшись в седло усадить её впереди себя и укрыв полами своего плаща пустить коня в галоп.

Влетев на полном скаку во двор, Райтон распорядился немедленно отправить помощь пострадавшим, а сам, не теряя ни секунды по-прежнему держа девушку на руках, соскочил на землю. Крикнув дворецкому, чтобы немедленно отправил карету за врачом, живущим в нескольких милях от поместья, он, не теряя больше времени и не обращая внимания на причитания высыпающих холл слуг, поднялся в одну из гостевых комнат на втором этаже и ударом ноги распахнув дверь, уложил несчастную поверх узорчатого покрывала.

В комнате царила темнота, выпрямившись, Райтон велел запыхавшейся от быстрого бега экономке принести свечей, затопить камин и переодеть несчастную в сухую одежду. Не сомневаясь, что каждое его приказание будет тотчас же выполнено, он, не обращая внимания на то, что сам промок насквозь, отмёл предложение переодеться и сбежал вниз, где вместе со всеми остался дожидаться благоприятных известий от отправившихся в ливень работников. Лишь после того, как смог убедиться, что все вернулись здоровые и невредимые он, рекомендовав прибывшему к тому времени доктору после девушки осмотреть и их, наконец, смог облегчённо вздохнуть и позволить камердинеру уговорить себя подняться в комнату, чтобы переодеться в сухое.

Не прошло и часа, как ему доложили, что доктор закончил осматривать пациентов и ожидает его в холле, чтобы поделиться своими наблюдениями. Не теряя времени, сам не понимая причины своего внутреннего волнения, Райтон пулей слетел вниз.

– Что скажете, доктор? Как мои люди?

Седовласый, разменявший шестой десяток мужчина, не без помощи которого около тридцати лет назад появился на свет сам Райтон, только улыбнулся в ответ. Старику импонировало то, что несмотря на богатство и высокий титул, молодой граф остался тем же самым Райтоном, который в детстве таскал к нему домой раненых птиц и безногих лягушек, покалеченных его братом и соседскими мальчишками. Так же, как и тогда, в его голосе отчётливо слышалась тревога и надежда на то, что всё будет хорошо.

– Кхе, кхе... – прокашлялся врач прежде, чем ответить, – Не извольте беспокоиться, ваша милость, ваши люди в порядке. Велите сварить каждому по пинте грога с имбирём и корицей и, поверьте, к завтрашнему утру, от их бед не останется и следа.

– А, что же девушка? – голос неожиданно дрогнул, когда он задавал эскулапу свой вопрос.

– Девушка... кхе... кхе... с ней тоже всё будет в порядке. Отлежится денёк-другой и будет здоровее здорового. Ей, кстати, грог тоже бы не помешал, так сказать для иммунитета и хорошего настроения.

Испытывая невероятное облегчение, Райтон распорядился чтобы указания врача были выполнены в точности, а затем настоял, чтобы старик остался в поместье до утра, объясняя это тем, что в такую погоду, да ещё и по размытым дорогам, высок риск того, что карета вновь перевернётся.

Согласившись с предложением радушного хозяина, доктор поспешил в кухню, чтобы посоветовать поварихе добавить в грог щепотку гвоздики и сделать на порцию больше, себе на сон грядущий.

Снаружи стихия разыгралась не на шутку, но внутри защищённого со всех сторон толстыми, вековыми каменными стенами, согреваемыми теплом растопленных каминов, тихого мирка, было очень уютно и по-настоящему безопасно. Райтон внезапно поймал себя на мысли о том, что всепоглощающая, мешающая дышать тоска прошла, уступив место спокойствию и умиротворению. Поднявшись в спальню дочери, которая давно спала в своей кровати и ведать не ведала о готовившемся сюрпризе, он отвёл с её милого личика упавший локон и легко поцеловал в высокий лобик – характерный признак всех Филдингов, осторожно вышел притворив за собой дверь.

Глава 36

Меня разбудил скрип половиц и чьи-то лёгкие, едва слышные шажки прошелестели возле самой кровати. Не подавая вида что проснулась, я постаралась, не меняя позы немного приоткрыть глаза, чтобы понять, что происходит, и едва не выпрыгнула из кожи от неожиданности, когда увидела любопытную детскую мордашку в нескольких дюймах от своего лица. Вздвигнув, и стараясь не испугать ребёнка, я, подтянув повыше одеяло осторожно села и только после этого осмелилась ещё раз взглянуть на ту, что своим неожиданным появлением едва не отправила меня к праотцам. И, невольно залюбовалась.

Признаться, до сих пор мне не приходилось видеть столь красивых лиц, как у этой девочки, которой на вид было не больше шести-семи лет. Золотистые кудри, собранные заботливой рукой в две косички с выщипавшимися на висках и лбу локонами, обрамляли нежное в форме сердечка румяное личико, которое могло принадлежать только настоящему ангелочку. Чуть более тёмные брови и пушистые реснички красиво обрамляли большие цвета морской волны глазки, в эту самую минуту с огромным интересом разглядывающими меня саму.

– Вы кто? – первой не выдержала девочка и морща лоб задала мучающий её вопрос.

– Я – Фарах, а ты кто?

Было так забавно наблюдать, как девочка пытается произнести про себя непривычное имя. Добившись желаемого эффекта со второй попытки, ребёнок расслабился и, забравшись на кровать, уже смелее произнёс:

– Я – Лайла, мой отец – хозяин этого дома. Правда, он ещё засветло уехал в город, но очень скоро вернётся. А вы... – девочка немного замялась, прежде чем спросить то, что видимо не давало ей покоя с того самого момента, как она впервые меня увидела, – вы его подруга? Если да, то это очень плохо потому что вы мне нравитесь, и мне бы очень не хотелось, чтобы вас называли потаскухой.

– Кем?! – я не знала плакать мне или смеяться в ответ на такое заявление более чем странно звучащее в устах столь юного создания.

– Так маман называет тех дам, которые вешаются на шею моему папе и пытаются вытянуть из него деньги и ценные подарки.

Ребёнок так уморительно рассуждал на взрослые темы, что я невольно расхохоталась. О, Аллах, если эта малышка моя подопечная, то чувствую, что скучать мне с ней точно уж не придётся. Она ужасно напоминала мне себя саму в её возрасте, когда, наслушавшись всяких гаремных слухов, я приставала с расспросами к отцовским наложницам, пытаюсь выяснить не собираются ли они навредить моей маме, и если да, то пусть будут готовы к тому, что проснутся утром без волос и ресниц, которые я грозилась им обрезать если увижу хотя бы одну мамину слезинку. Само собой разумеется, что после таких угроз, на осуществление которых кстати вполне была способна, я получала самые горячие заверения в абсолютной преданности и лояльности моей валиде, которой никто не смел отныне пренебрегать.

– Нет, милое дитя, я вовсе не подруга твоего папы, хотя, признаюсь, не имела бы ничего против того, чтобы подружиться с тобой.

– Правда?! – улыбка у этого ангелочка была такой обаятельной, что невозможно было отвести от неё глаз. – А почему?

– Потому что хорошо знаю некоторые восточные языки, которые как мне стало известно, ты хотела бы выучить и вполне могла бы тебе помочь.

– Так вы, та самая гувернантка, которую папа мне обещал? Ура! – от восторга малышка так подпрыгнула на постели, что не подхвати я её в самый последний момент, наверняка бы свалилась вниз головой.

– Знаешь, я вовсе не так страшна, как может показаться, так что думаю, тебе не стоит убиваться раньше времени, – хмыкнула я в ответ на испуганный вскрик ребёнка. – Вот что, я сейчас приведу себя в порядок, а потом ты покажешь мне дом и познакомишь со всеми его обитателями, хорошо?

Ответом мне была широкая улыбка той, которой только что доверили крайне важное и вполне взрослое поручение. Дав мне четверть часа на сборы, она с уморительно серьёзным и чинным видом спустилась вниз, чтобы распорядиться насчёт завтрака и успеть поделиться новостью о том, что теперь у неё есть собственная гувернантка.

* * *

"Чёрт бы побрал всех женщин! Как ни старайся избегать проявлений их чувствительности, они всё равно найдут способ разреветься и испортить тебе настроение на весь день!"

Райтон возвращался в поместье в крайнем раздражении. Его любовница Колетт, год назад оставившая шумный Лондон с его балами и зваными ужинами и поселившаяся ради него в скучной провинции, никогда не упускала случая в очередной раз напомнить о своей жертве, чтобы он в лишней раз почувствовал себя виноватым. Втайне мечтающая когда-нибудь занять место законной хозяйки Рейвенхёрста, она не переставала изводить его просьбами переселиться в поместье и познакомиться с Лайлой, в которой как она знала, Райтон души не чаял и был готов ради неё на всё. Вот и сегодня, когда он с самого утра нанёс ей отложенный из-за вчерашней непогоды визит, она, вместо того, чтобы избавить от некоторых "неудобств" его тело, в очередной раз принялась за душу, настаивая на том, что им обоим было бы гораздо удобнее встречаться если бы она жила в поместье, так как она страшится любых разговоров способных испортить её репутацию.

Помилуйте, с каких пор даму полусвета стала беспокоить такая мелочь, как репутация? Разве не о ней ходили слухи по всему Лондону как об опытной и весьма страстной любовнице, успевшей побывать не в одной постели и вбившей клин между не одной супружеской парой? И разве не она умоляла его взять с собой в Суррей, обещая взамен никогда не пытаться вмешиваться в его личную жизнь? Что же изменилось? Почему каждый раз вместо облегчения, она приносит в его жизнь проблемы и неразбериху?

Устав от раздражающего нытья и так и не получив того, за чем приходил, Райтон решил убраться подобру-поздорову, пока одним неосторожным словом не оскорбил чересчур обидчивую и вспыльчивую в последнее время даму и вконец не испортил с ней все отношения. На ходу выдумав несуществующий визит в соседское поместье, он поспешил откланяться и пулей вылетел из домика.

Несмотря на то, что дождь давно прошёл, небо всё ещё не прояснилось и свинцовые тучи по-прежнему закрывали солнце, не пропуская на землю ни единого лучика. От прогулки, способной хоть немного развеять его пасмурное настроение пришлось отказаться, так как дороги всё ещё не просохли и находились в весьма плачевном состоянии.

Решив не показываться в нынешнем состоянии на глаза дочери, способной бесконечными вопросами только подлить масла в огонь, в котором закипало его терпение, он решил провести большую часть дня в библиотеке, просматривая отчёты о последних закупках и подготовив несколько писем для стамбульских друзей, от которых давненько не получал вестей, но его планам не было дано осуществиться. Едва он переступил порог холла, как сразу же почувствовал пока ещё неуловимые, но всё-таки перемены, успевшие произойти за время его недавнего отсутствия.

Первое же, что сразу же ударило в нос, был неповторимый букет специй и пряностей, ароматом и вкусом которых он уже и не мечтал когда-нибудь вновь насладиться. Несмотря на то, что по его приказу запасы специй постоянно пополнялись, правильно использовать их повариха так и не научилась.

Не в силах справиться с любопытством и давясь от предвкушения слюной, он направился прямо на кухню – главный источник и сосредоточие невероятных запахов и, пораженно застыл на пороге.

Возле огромного очага, справиться с которым могла только дородная Ханна – повариха, отличающаяся не только сварливым характером, но и недюжинной силой вкупе с довольно высоким ростом, заставляющим большинство слуг чувствовать себя рядом с ней жалкими гномами, засучив рукава и практически потонув в гигантском переднике, колдовало крошечное создание, стоящее на деревянном табурете и ловко раздающее указания поварьятам, с готовностью снующим по просторному помещению в поисках нужных ингредиентов.

Первой мыслью было, что это брауни, перепутавший день с ночью и решившийся показаться на глаза людям. Домашние духи, согласно поверьям, отличались маленьким ростом, длинными тёмными волосами и огромными голубыми глазами на бледной коже. Пока люди спят, эти волшебные существа выбирают из тайных уголков, где прячутся днём, и занимаются хозяйством: прибирают в доме, моют оставшуюся с вечера посуду, ткнут пряжу или же, как и сейчас, готовят. Это могло бы объяснить витание в воздухе волшебных ароматов.

"Какой бред! Брауни, как же!" – Райтон тряхнул головой прогоняя глупые мысли и объясняя видение тем, что это Лайла, насмотревшаяся картинок в книжках решила устроить отцу сюрприз, но увидев дочь, сидящую как ни в чём, не бывало за столом и с довольным видом грызущую яблоко, Райтон гаркнул:

– Что здесь происходит?

Выплёскивая накопившееся раздражение, он не ожидал что его резкий тон, к которому все давно привыкли может напугать сказочное существо, отчего оно, взмахнув от неожиданности руками и пошатнувшись на табурете, едва не угодило в очаг.

Отменная реакция не раз спасающая жизнь самому Райтону, не подвела и сейчас. Услышав испуганный вскрик, он немедленно бросился вперёд и успел подхватить незнакомку прежде, чем огонь успел коснуться её одежды.

Точно, брауни! А как же иначе можно было назвать это юное бледное создание с огромными фиолетовыми глазами испуганно взирающими на него? Большой несуразный чепец слетел во время падения с головы, обнажив тёмную косу настолько длинную, что она легко достала до земли.

Вот уж и вправду говорят, что неожиданная встреча духов и людей лицом к лицу может привести к помутнению рассудка, а то и к потере самой души. Словно бездонные омуты, необычные глаза затягивали его внутрь, лишая сил и остатков разума. Он и рад был бы разорвать сковывающие его сознание оковы, но это не представлялось возможным. И, неизвестно сколько бы он ещё, как последний болван, так стоял, если бы не возмущённый детский голосок, прорвавшийся в его помутненное сознание:

– Папа! Ты напугал бедную Фарах! Посмотри, что ты натворил!

Мгновенно придя в себя Райтон выпрямился, прогоняя остатки оцепенения, и поставил девушку на пол. Избегая гипнотизирующего взгляда, неотрывно следившего за ним, мужчина обратился к дочери:

– Потрудитесь объяснить, что здесь происходит, и кто твоя новая подруга?

– Как это кто? Разве не ты сам обещал подыскать мне гувернантку? – голос Лайлы звенел от возмущения. Ох уж эти взрослые, вечно они забывают о важном, сосредотачиваясь на незначительных мелочах!

– Гувернантку?

Точно! Со всеми утренними событиями он совершенно забыл о ней.

Граф повернулся в сторону притихшей девушки, в эту самую минуту, опустившую глаза долу и нервно теребящую тонкими пальчиками ни в чём не повинный передник, почувствовав, как в нём вновь начинает подниматься странная, абсолютно необъяснимая волна жара.

Испытывая непреодолимое желание промочить горло чем-нибудь покрепче прежде, чем продолжить разговор со странно действующей на него особой, Райтон, рискуя показаться грубым, отчеканил:

– Через пять минут в библиотеке! Обе! – и, больше ни на кого не глядя твёрдым шагом покинул ставшее внезапно тесным и душным помещение, заставив челядь, удивлённо глядящую ему вслед гадать, какая муха прямо с утра могла укусить их хозяина, что он совершенно позабыл о манерах джентльмена?

Глава 37

Согласно обычаю, ханских дочерей с младенчества обучали куче разнообразных вещей: пению, игре на музыкальных инструментах, ведению хозяйства, стряпне, азам врачевания, умению вести приятную беседу – всё это добавлялось к целому списку житейских премудростей, главными из которых являлись выдержка и самообладание. Не скажу, чтобы эти дисциплины давались мне легко, и порой, глядя на расстроенные лица родителей, огорченных очередной моей сумасбродной выходкой, я давала себе торжественную клятву, что больше никогда не совершу ничего подобного. Но, клятвенное обещание, как правило, длилось недолго, а только до тех пор, пока не приходило время совершить очередную глупость, за которую заслуженно получала нагоняй. И только с возрастом, лишившись поддержки со стороны близких людей и познав жестокость внешнего мира, я научилась немного сдерживать свои эмоции, скрывая их под маской безразличия и показного отчуждения.

"Это он! Он! Тот самый англичанин, перстень которого я носила всегда при себе как талисман! И, это его лицо я видела в волшебном зеркале перед тем, как Джабир появился и уничтожил его!" – мне хотелось кричать от восторга, броситься на шею этому, по сути мало-знакомому, и тем не менее невероятно дорогому для меня человеку, но я чудом сдержалась.

Да, это был именно он, правда немного старше, чем я его запомнила. Зелёные пронзительные глаза так же, как и шесть лет назад настороженно разглядывали моё лицо, словно бы он всё ещё сомневался, не подслана ли я к нему теми, кто так желал его смерти. И, хотя волосы его не падали на заросшее бородой лицо, а были аккуратно подстрижены и зачёсаны по последней английской моде, а красивое лицо с волевым подбородком и ямочкой посередине было гладко выбритым, я всё равно его узнала.

"Блейкни. Рейвенхёрст" – было выгравировано на перстне, и теперь я знала, что это означало. Это судьба, та самая, что оставляла мне подсказки в виде странных, имеющих привычку сбываться видений, настойчиво вела меня сюда, а значит я должна была сделать всё, что в моих силах чтобы остаться здесь... с ним.

Но отчего он так зол? Что произошло? Стоит ли мне в таком случае признаваться в том, что я – это я? Не вызовет ли моё признание иную реакцию, чем та, на которую надеюсь? Нет! Пусть всё идёт своим чередом и, если он меня так и не вспомнит, что ж, так тому и быть, значит ещё не время.

Лорд Блейкни вошёл в библиотеку и лишь после того, как расположился за большим письменным столом, нам с его дочерью позволено было войти. Стараясь не вызывать в нём никаких негативных чувств, в результате которых могла вновь очутиться на улице, я, не поднимая головы, остановилась напротив. Памятуя о словах Тони касательно того, что хозяином кольца был человек хороший, я очень надеялась на то, что плохое настроение не позволит ему принять относительно меня неверного решения.

Молчание затягивалось, никто не желал первым начинать разговор. Наконец, девочка не выдержала:

– Папочка, спасибо тебе большое за Фарах! Она...

– Лайла, дорогая, ступай пожалуйста в детскую, нам с твоей... гм... гувернанткой нужно будет кое-что обсудить. Присаживайтесь, мисс, – мужчина великодушно указал рукой на стоящий рядом со мной стул, – разговор займёт некоторое время и вам лучше отвечать сидя.

Девочка насупилась, но возражать не стала. Проходя мимо, она ободряюще мне улыбнулась, и вы не поверите, именно эта её улыбка помогла собраться с мыслями и подготовиться к настоящему допросу, который последовал сразу же, как за ребёнком закрылась дверь.

"Кто я? Откуда? Сколько мне лет? Что привело меня в Рейвенхёрст?" – вопросы вылетали, как из пушки, не оставляя времени на обдумывание. Решив не выкладывать сразу всей

правды, способной оттолкнуть и выставить меня за дверь, я ограничилась тем, что рассказала свою, несколько приукрашенную историю о том, как очутилась в их доме.

– Меня, как вы уже поняли, зовут Фарах. Мне почти семнадцать. Круглая сирота. Родители недавно умерли, оставив меня без пенни в кармане. Отец, родом с Востока был торговцем, мать – местной, англичанкой. Родилась в Англии. Да, я владею нужными языками и с удовольствием займусь обучением вашей дочери. Я не белоручка и вполне могла бы помогать на кухне, при условии, что не придётся готовить свинины, так как моя религия запрещает мне притрагиваться к этому животному...

Ответив ещё на десяток вопросов, в том числе и заданных на тюркском и арабском языках и, честно предупредив, что учитель музыки из меня никакой ввиду абсолютного отсутствия и голоса и слуха, я почувствовала некоторую передышку, когда лорд Блейкни обдумывая услышанное, откинулся на спинку широкого кресла. Я всё ещё не решалась смотреть на него, нервно сжимая край передника. Но, по мере того, как молчание затягивалось, я не удержалась и, подняв голову встретилась с скользким по мне пристальным взглядом изумрудных глаз. Пойманный с поличным лорд смутился, но глаз тем не менее не отвёл.

– Вы удивитесь, но у меня отчего-то стойкое чувство того, что я вас прежде где-то видел. Мне определённо знакомы ваши черты... Говорите, ваш отец был торговцем?

– Да, сэръ, – чуть замешкавшись ответила я. – Может быть, вы заходили в наш магазинчик специй, когда были в Лондоне и...

– Возможно, – он задумчиво постукивал пальцами по подбородку, стараясь припомнить нашу несуществующую встречу. Видимо устав от размышлений, он вновь в упор посмотрел на меня, – Хорошо, мисс... у вас есть фамилия?

Фамилия? Конечно же она была, но называть её было довольно рискованно. Вместо этого, я решила слухавить и перевести слово Шахин – сокол, на английский язык.

– Да, разумеется фамилия у меня есть. Зовите меня мисс Фалькон.

Удивлённо приподнятая бровь была мне ответом:

– Вот как? В бытность моей службы на Востоке, я знавал одного Фалькона, он служил переводчиком между армией Его Величества и местным населением. Признаться, более редкого пропойцы и мошенника, способного за золото продать и родную мать, не сыскать было в целом мире. Вы уверены, что он вам не родственник?

Проклятье! Дёрнуло же меня называться именем человека, которого граф недолюбливал!

– Нет, сэръ, не родственник. Других Фальконов, кроме отца, я не знала, ну а он, поверьте, был порядочным человеком и честным семьянином.

Мой ответ если и не удовлетворил, то на время успокоил придирчивого хозяина, так как пожав плечами, он ответил:

– Ну что же, мисс Фалькон, вижу вы смогли быстро поладить с моей дочерью, а она, скажу вам честно, несмотря на столь юный возраст, отнюдь не так наивна, как может показаться с первого взгляда. Вы можете остаться и приступить к новым обязанностям... кстати, – чуть замаявшись, смущённо спросил граф, – что это вы такое готовили на кухне? Пахнет просто восхитительно.

Лучшего комплимента своим кулинарным талантам мне давненько слышать не приходилось. Просияв от удовольствия, я ответила:

– Это бадамбура – сладкие пирожки с толчёным миндалём, сахаром, кардамоном и кучей всяких специй. Если вы не возражаете, я вернусь на кухню, чтобы проследить за их выпечанием, иначе, боюсь, повараха от незнания может испортить весь сюрприз, который мы с вашей дочерью старательно готовили к завтраку.

– Конечно, ступайте, – граф не просто отпустил меня, а едва ли не вытолкнул за дверь, велел прислать пирожков ему на пробу прямо в кабинет.

С чувством невероятного облегчения, я закрыла за собой дверь и, прислонившись к ней спиной, зажмурила глаза. Мне позволили остаться в доме, в который я влюбилась буквально с первого взгляда. Стоило мне в сопровождении ученицы покинуть пределы своей комнаты, как я не переставала удивляться и восхищаться этим местом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.